

Моск. правда.  
1994. - 19 нояб.  
с. 7.

# Полярник с Арбата

Андрей Куркин

19.11.94.

Он родился в Москве, в знаменитом родильном доме Граурмана, где в те годы считалось престижным появляться на свет. Но он-то появился там не в силу особой «знатности» своих родителей, а просто потому, что жила семья рядом, в Хлебном переулке, и это был их районный роддом. Родители маленького Кирилла были чудаки-романтики, считавшие, что раз они получили медицинское образование - первый «Красный выпуск» - в 1-м медицинском институте, то непременно должны работать там, где труднее всего. Прихватив годовалого сынишку, укатили Андреевы на Север, в далекий, еще только кое-как строящийся поселок Певск на Чукотке. Помимо своих прямых обязанностей мама руководила там еще драмкружком, и маленький Кирилл, прежде чем увидел, как растут настоящие деревья, уже вдосталь нагляделся театральных картинок - родители всюду возили с собой специальный номер популярного тогда журнала «СССР на стройке», посвященный МХАТу. Дома был культ театра. Поэтому, как само собой разумеющееся, пришлось решение отдать мальчишку по окончании десятилетки на постановочный факультет Школы-студии МХАТ, благо рисование было его излюбленным занятием. Экзамены прошли успешно, может быть, отчасти сыграла роль и экзотическая юность абитуриента. Во всяком случае прозвище «полярник» закрепилось за ним на долгие годы.

В те далекие пятидесятые Школа-студия МХАТа была как одна семья. Общеобразовательные лекции читались разом обоим факультетам, художники с пос-

тупом появляется из глубины квартиры Галина Сергеевна Уланова. Скромная такая, в длинной юбке, светлой кофточке. Поздоровалась, стала смотреть мои наброски.

Результатом этого посещения стало двухгодичное стажерство Кирилла Андреева в Большом театре. Там в ту пору была сильная группа художников-декораторов, работавших под руководством Рындина. На долю стажера выпадала, конечно, самая черновая, вспомогательная работа. Но все равно это была для начинающего художника прекрасная школа профессионального мастерства, а главное - постижение на практике всех этапов рождения декорационного оформления спектакля от первого чернового эскиза до последней монтажной репетиции. По окончании стажерства пошел Кирилл, как он сам выражается, «в свободное плавание» - оставаться в ГАБТе в подмастерьях было обидно, хотелось самостоятельного творчества.

Сначала сделал кое-какое оформление для дипломных студенческих спектаклей в ГИТИСе. Конечно, было интересно чисто художественными средствами сочинить образность спектакля, подсказать режиссерское решение. Но это еще не была работа в настоящем профессиональном театре. Молодость жаждала преодоления трудностей. Пришло приглашение из Севастополя. Там, в театре имени Луначарского, и сотворил Кирилл свой первый спектакль на профессиональной сцене. По иронии судьбы пьеса называлась «Неравный бой». Но свой неравный бой с обычными закулисными трудностями молодой художник выдержал с честью. Последовало престижное приглашение в Минск, в Академический театр имени Янки Купалы. В это же время состоялось знакомство с главным режиссером рязанского ТЮЗа Верой Андреевной Ефремовой. И оказался Кирилл, сам того не ожидая, главным художником в Рязани и самым молодым из главных на всей территории РСФСР. Три года спустя ушла из Рязани Ефремова, ушел и Кирилл. Стал работать по договорам. Калуга, Ульяновск, Харьков, Курск, театры Урала, Сибири, Северного Кавказа, да разве перечислишь всю его «географию». На сегодня общее количество спектаклей, в которых он был художником-постановщиком, уже перевалило за три сотни.

Только в одной Москве было свыше двадцати постановок. Он оформлял спектакли в Болгарии, Германии, Греции. Давно без его эскизов не обходится почти что ни одна художественная выставка. Его работы путешествовали по различным европейским биеннале. Побывал художник в Индии и на Цейлоне...

Небольшая двухкомнатная квартира художника завешена эскизами, а в маленькой комнате, превращенной в мастерскую, они штабелями. На письменном столе, где сотворяются макеты или расстелены листы ватмана с первыми набросками будущей декорации, очень любит возлегать тихая, ласковая Криса, полагающая, очевидно, что своим присутствием способствует творческому процессу хозяина. А в большой комнате весьма вольготно расположился Денка - большой добродушный пес самого дворянского происхождения, до предела избалованный Тamarой, женой Кирилла. Поэтому, как во всякой московской интеллигентной семье, хозяева и гости уютнее всего чувствуют себя на кухне. Здесь справляются домашние праздники, ведутся творческие дискуссии «за искусство», радушно принимают друзей. А их, учитывая «географию» Кирилла, великое множество не только по Руси.

С 1991 года Кирилл Владимирович - главный художник драматического театра в Твери. Они снова работают с В.Ефремовой, уже давно возглавившей этот коллектив.

На вопрос, есть ли у художника особо любимые спектакли, он начинает перечислять такое количество названий, что становится ясно: любимые все, как дети в многодетной семье. И это понятно: будучи долгое время «во-

ля. Но когда однажды, случайно зайдя к Андреевым, увидела в комнате-мастерской три холста с городским пейзажем, решенным в холодных свинцово-серых тонах, с уходящими вдаль трамвайными путями и одиноким ва-

хотелся рассматривать долго, не спеша постигая важность и функциональность каждой детали и только удивляясь, каким разным может быть художник: когда надо бытовым, в ином случае - обобщенно-абстрактным, на детских



льным художником», он мог позволить себе роскошь свободного выбора - оформлять только ту пьесу и с тем режиссером, которые были ему интересны, отвечали его духовным потребностям. Он любит работать с постановщиками, которые не подминают под себя художника, а вместе с ним разрабатывают и идею, и художественный образ спектакля. А свое художественное решение у К.Андреева всегда очень четкое, определенное. Даже не зная пьесы, можно всегда по его эскизам понять, о чем пойдет речь в будущем спектакле, определить время его действия, жанр.

Художник поставил передо мной эскиз. Золотисто-охристые веселые тона, из легкой драмки сооружены прозрачные, просвечивающие насквозь башни и затейливая ограда внутреннего двора явно придорожной гостиницы, бочка, мостки, колесо от экипажа, а у самой ramпы раскрытая книга и оплывшая свеча в шандале, и две женских фигуры, как бы спрятавшиеся за дверными проемами башен. «Шекспир. Комедия», - мгновенно определила я. «Виндзорские проказницы», - подтвердил художник. - Я делал этот спектакль в 1988 году в Курском театре. Кажется, получилось».

В такой декорации, наверное, легко и весело играть актерам. И ответственно. На ее фоне современная расхлябанная походка и пустой глаз тотчас же выдают пустоту актерской души. Тут уж все должно быть единым: ощущение эпохи, манера поведения, пластика, умение носить костюм, не говоря о самих костюмах. Их Кирилл Владимирович к каждому спектаклю рисует тоже сам. И следит за точным выполнением эскиза.

Мне не довелось читать пьесу А.Родионовой «Трамвай «Аннушка». Так случилось, что не видела я и спектакля Театра имени Гого-

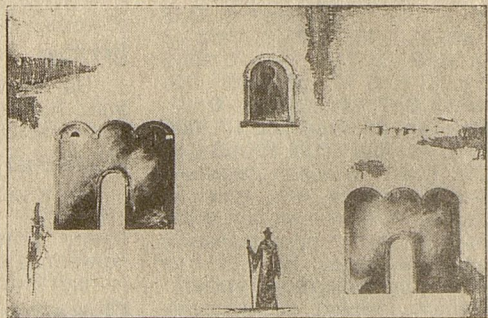
гоном, словно повисшим на стальных проводах, сомнений не было - «Трамвай «Аннушка» передо мной. Сценография Кирилла Андреева вобрала в себя всю свинцовую тяжесть последних сталинских лет: с одной стороны, строительство первых высотных домов в Москве - прижизненных памятников вождя самому себе, с другой - вечный страх людей, выигравших величайшую в мире битву, но ничем не защищенных от произвола того же вождя в собственных квартирах. А он, словно бог Саваоф, реял над ними в небе, поднятый к облакам детскими веселыми воздушными шариками - «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» Уже ничего не нужно было объяснять ни в пьесе, ни в спектакле - все читалось на эскизах: в их тяжелом, холодном колорите, отчужденной пустоте пространства. Это был спектакль Ивановского драматического театра, того же 1988 года.

А для пьесы «Орел и орлица» А.Н.Толстого, которую художник оформлял в театре Нальчика, он придумал только две движущиеся по сцене арки и разные по цвету сменяющиеся задники. Белый, отливает чуть заметным золотистым тоном, рождал ощущение света, радости, простора; от серого-голубого с зеленоватым отливом веяло зимним холодом, пустотой; черный, финальный задник и зарешеченные окна, вставшие на месте дверных проемов арок, говорили без слов о трагическом финале.

Эскизы декораций Кирилла Андреева можно читать, как книги, каждый раз раскрывая в них что-то новое, не замеченное ранее. Их

спектаклях - веселым примитивистом, под стать ребячьим рисункам, на классике - философски спокойным, романтически возвышенным.

Кирилл Владимирович не торгует своими работами, хотя, как всякий художник в наше время, - если он, разумеется, не Глазунов и не Шиллов, - живет более чем скромно. Для него каждый холст - собственное детище, а детьми порядочные родители не торгуют. Однажды, правда, по рекомендации знакомого дал он одной залет-



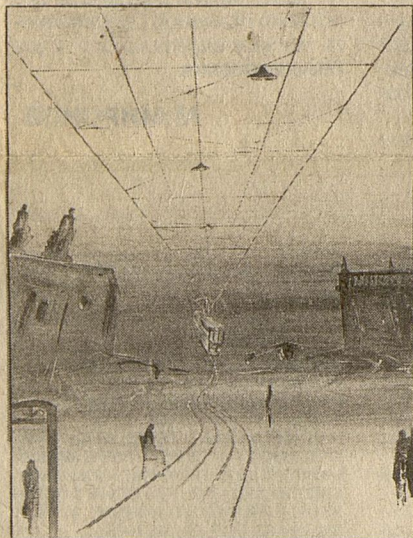
ной «птичке» пару-тройку эскизов костюмов. «Птичка» упорхнула за кордон, да так с тех пор и не объявлялась. А костюмы были очень красивые. Бизнес-дама на них, наверное, неплохо заработала.

Сейчас в Твери в здании драматического театра К.Андреев готовит персональную выставку - подкатил юбилей, круглая дата. Счастливые тверичи, какой праздник искусства их ожидает! А может, и до нас, москвичей, очередь дойдет? Хорошо бы. Подождем, поживем, увидим.

**Наталья БАЛАШОВА.**

На снимках: семейный портрет в интерьере; эскизы к спектаклям «Виндзорские проказницы», «Трамвай «Аннушка», «Орел и орлица», «Дети капитана Гранта».

Фото А.БЕЗРОДНОВА.



тановочного оформляли студенческие спектакли актерам, все знали друг друга, все дружили друг с другом. Эта атмосфера тепла, душевности исходила прежде всего от тогдашнего ректора Вениамина Захаровича Радомысленского, человека мудрого, до тонкостей знавшего театральное дело, твердо, но по-отечески руководившего вверенной ему молодой порослью будущих талантов. Кирилл Владимирович говорит, что и сегодня, когда встречаются бывшие выпускники школы-студии, мгновенно возникает и прежняя дружелюбность, и открытость, и теплота. Только встречи эти становятся все более редкими - разбросала жизнь старых однокашников.

- Ну, а что было дальше, по окончании института? - спрашиваю я художника.

- Добрые люди, друзья сказали Вадиму Федоровичу Рынди-ну, - он тогда был главным художником Большого театра, - что есть тут один молодой «полярник», у него имеются интересные «картинки». («Картинками» в среде художников именуются любые работы: будь то эскизы, наброски, законченные картины, писанные маслом, акварелью, углем, гуашью, - все равно. - Н.Б.). Рындин сказал: хорошо, пусть приходит. Я собрал папку и поехал на Котельническую набережную, в «высотку», где он жил. Рындин посмотрел на «картинки» и говорит: «Ну, что ж, это хорошо». А потом позвал: «Галя, Галя, иди сюда, посмотри, тут молодой художник работы свои принес». И

